

RU

Классификация манипулятивных стратегий и тактик в англоязычном политическом медиадискурсе (на материале публикаций, посвященных репрезентации БРИКС)

Катаргулов Д. Н.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении механизмов манипулятивного воздействия в англоязычном политическом медиадискурсе на материале публикаций Fox News, посвященных репрезентации БРИКС. В работе приводится их систематизация в рамках интегративной классификационной модели, отражающей взаимосвязь макростратегий, стратегий, тактик и языковых маркеров/актуализаторов, сопоставляются отечественные и зарубежные подходы к описанию манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе, уточняется соотношение понятий «макростратегия», «стратегия», «тактика» и «языковой маркер/актуализатор», а также предлагается классификационная модель, апробированная на корпусе публикаций. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые для данного материала предлагается системное разграничение дискредитации и легитимации как основных макростратегий, а также обосновывается рассмотрение театрализации не как самостоятельной макростратегии, а как сопутствующего механизма прагматического усиления медиасообщения. В результате исследования установлено, что в англоязычном политическом медиадискурсе, посвященном репрезентации БРИКС, доминирует макростратегия дискредитации, реализуемая через идеологическую поляризацию, конструирование образа врага, негативно-оценочную лексику, эпистемическую модальность и метафоризацию. Макростратегия легитимации преимущественно реализуется через рационализацию, авторизацию, солидаризацию и апелляцию к международным нормам и ценностям. Полученные результаты уточняют механизмы манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе и расширяют возможности их системного лингвистического описания.

EN

Classification of manipulative strategies and tactics in English-language political media discourse (based on publications dedicated to the representation of BRICS)

D. N. Katargulov

Abstract. The aim of this study is to identify the mechanisms of manipulative influence in English-language political media discourse based on Fox News publications representing BRICS in the period from 2020 to 2026. The article systematizes these mechanisms through an integrative classification model reflecting the interrelation between macro-strategies, strategies, tactics, and the linguistic markers of their actualization; compares Russian and international approaches to the study of manipulative influence in political media discourse; clarifies the relationship between the concepts of macro-strategy, strategy, tactic, and linguistic marker/actualizer; and proposes an integrative classification model tested on a corpus of Fox News publications devoted to the representation of BRICS. The scientific novelty of the research lies in the first systematic distinction between discrediting and legitimation as the principal macro-strategies of manipulative influence in the selected corpus. In addition, theatricalization is reconceptualized not as an independent macro-strategy but as an accompanying mechanism of the pragmatic intensification of media messages. The findings demonstrate that the macro-strategy of discrediting predominates in the English-language political media discourse on BRICS. It is primarily realized through ideological polarization, threat construction, negatively evaluative lexis, epistemic modality, and metaphorization. By contrast, the macro-strategy of legitimation is mainly implemented through rationalization, authorization, solidarization, and appeals to international norms and values. The findings contribute to a more systematic understanding of the mechanisms of manipulative influence in political media discourse and expand the possibilities for their comprehensive linguistic description.

Введение

В условиях современной медиакommunikации политический медиадискурс выступает одним из ключевых механизмов формирования общественного мнения и интерпретации международной повестки. Средства массовой информации не только освещают политические события, внешнеполитические решения и международные конфликты, но и формируют определенные модели их восприятия и оценки. В связи с этим особую значимость приобретает изучение манипулятивных стратегий и тактик, используемых в политической медиакommunikации для формирования образов государств, международных объединений и политических акторов.

Настоящая статья посвящена теоретическому осмыслению манипулятивных стратегий и тактик в англоязычном политическом медиадискурсе.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью политического медиадискурса в формировании общественных представлений о международных процессах и субъектах мировой политики. В условиях усиления геополитической конкуренции, трансформации современной информационной среды и усиления влияния средств массовой информации на интерпретацию мировых событий, особую значимость приобретает исследование языковых механизмов манипулятивного воздействия, определяющих способы конструирования политической реальности и формирования общественного мнения. Проблемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе активно разрабатываются в отечественной и зарубежной лингвистике. Вместе с тем существующие исследования преимущественно посвящены анализу отдельных стратегий, тактик или языковых средств речевого воздействия, тогда как вопросы их иерархического соотношения и комплексного описания остаются недостаточно изученными. Отсутствие единого подхода к разграничению макростратегий, стратегий, тактик и языковых маркеров/актуализаторов затрудняет описание механизмов манипулятивного воздействия. В связи с этим возникает необходимость в разработке интегративной классификационной модели, позволяющей уточнить соотношение макростратегий, стратегий, тактик и языковых маркеров/актуализаторов и обеспечить их последовательное описание в структуре политического медиадискурса. Решение данной задачи способствует совершенствованию методологического аппарата медиалингвистики, прагмалингвистики и дискурс-анализа, а также расширяет возможности комплексного лингвистического исследования репрезентации международных политических процессов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- сопоставить отечественные и зарубежные подходы к описанию манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе;
- определить соотношение понятий «макростратегия», «стратегия», «тактика» и «языковой маркер/актуализатор»;
- выявить функциональные особенности реализации макростратегий дискредитации, легитимации и театрализации в англоязычном политическом медиадискурсе;
- разработать интегративную классификационную модель, позволяющую соотнести макростратегии, стратегии, тактики и языковые маркеры/актуализаторы манипулятивного воздействия;
- апробировать классификационную модель на материале корпуса публикаций *Fox News*, посвященных репрезентации БРИКС.

В ходе работы были использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, описательный, интерпретативный, классификационный, корпусный и количественный методы. Сравнительно-сопоставительный метод был необходим для выявления общих и различительных оснований в отечественных и зарубежных трактовках манипулятивного воздействия. Описательный метод применялся при характеристике выявленных стратегий, тактик и языковых маркеров. Интерпретативный метод использовался для раскрытия прагматического смысла текстовых фрагментов и определения их воздействующего потенциала. Классификационный метод позволил распределить языковые единицы по уровням предложенной модели. Корпусный и количественный методы использовались на этапе отбора материала и установления частотности реализации стратегий и тактик в исследуемых публикациях.

Материалом для исследования послужил корпус текстов из 30 статей, опубликованных в американских СМИ *Fox News* в период с 2020 по 2026 год.

Теоретическую базу исследования составили работы, в которых рассматриваются классификации коммуникативных стратегий и тактик, проблемы политического дискурса, манипулятивного воздействия и легитимации в медиакommunikации (Клюев, 1998; Шейгал, 2004; Иссерс, 2008; Михалёва, 2009; Недзельская, Борискина, 2021; Dijk, 2006; Leeuwen, 2007; Reyes, 2011). При разграничении понятий «макростратегия», «стратегия», «тактика» и «языковой маркер/актуализатор» за основу были приняты положения О. С. Иссерса (2008) о стратегической организации речевого воздействия и тактических способах реализации коммуникативного замысла, а также общетеоретические положения Е. В. Клюева (1998) о речевой коммуникации как целенаправленном процессе коммуникативного взаимодействия. Концепция политического дискурса как идеологически и прагматически организованной формы коммуникации рассматривалась с опорой на исследования Е. И. Шейгала (2004) и О. Л. Михалёвой (2009), посвященные проблемам дискредитации, конструирования образа врага и театрализации политической коммуникации. Теоретически значимыми для исследования легитимации стали работы Т. ван Левена (Leeuwen, 2007) и А. Рейеса (Reyes, 2011), в которых рассматриваются стратегии авторизации, рационализации, моральной оценки и мифопоэтического обоснования политических действий.

При анализе особенностей современной цифровой медиасреды учитывались исследования в области онлайн-поляризации, дискурсивной резильентности и трансформации политической коммуникации в цифровой среде (Hansson, Page, 2022; Bilandzic, Kalch, Kinnebrock et al., 2024; Jungherr, Rauchfleisch, 2024; Mak, Li, Rojas, 2024; Treuillier, Castagnos, Lagier et al., 2024). Кроме того, в работе использовались исследования, посвященные репрезентации БРИКС в международном медиадискурсе и особенностям освещения объединения в современных СМИ (Солопова, Кошкарлова, 2025; Carvalho, Gruzdu, Wu, 2025; Santos, Cazzamatta, 2025).

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения предложенной классификации манипулятивных стратегий и тактик при анализе политического медиадискурса. Полученные результаты могут быть использованы при разработке теоретических и практических курсов по политической лингвистике, медиалингвистике, прагмалингвистике, теории дискурса и анализу медиатекстов. Кроме того, предложенная модель может применяться в исследованиях, посвященных механизмам речевого воздействия, репрезентации международных акторов в СМИ и особенностям конструирования политической повестки в англоязычных медиа. Материалы исследования также могут быть востребованы при подготовке учебно-методических пособий и в рамках междисциплинарных исследований, связанных с политологией, международными отношениями и медиакommunikацией.

Обсуждение и результаты

Стратегии манипулятивного воздействия

Коммуникативные стратегии и тактики являются базовыми категориями анализа речевого воздействия. В политическом медиадискурсе они соотносятся не только с передачей информации, но и с ее прагматической организацией, поскольку именно через выбор стратегии и тактики задается направленность воздействия на адресата. В настоящей работе вслед за Е. В. Ключевым (1998, с. 34) стратегия понимается как комплекс речевых действий, ориентированных на достижение коммуникативной цели, а вслед за О. С. Иссерс (2008, с. 109) – тактика как конкретный способ реализации стратегического замысла. На этом основании стратегия определяется как иерархически организованный способ достижения прагматически значимой цели, тактика – как локальный способ ее реализации, а языковой маркер – как средство актуализации конкретной тактики. Такое понимание позволяет связать между собой различные исследовательские подходы, в которых манипулятивное воздействие описывается на разных уровнях. В работах Е. И. Шейгал (2004, с. 115) внимание сосредоточено на семиотической природе политического дискурса и на таких механизмах воздействия, как вуалирование, мистификация и деперсонализация, то есть на способах скрытой организации смысла. У О. С. Иссерс (2008, с. 105-108) воздействие раскрывается через соотношение стратегий основных, среди которых выделяются дискредитация и подчинение, и вспомогательных – самопрезентация, привлечение внимания и драматизация. А. А. Филинский (2002, с. 5) отмечает, что стратегия дискредитации – один из центральных механизмов политического воздействия, связанный с формированием отрицательной оценки политического оппонента. О. Л. Михалёва (2009, с. 45), в свою очередь, показывает, что в политическом дискурсе продуктивны стратегии «на повышение», «на понижение» и стратегия театральности, что позволяет рассматривать театрализацию как особый способ прагматического усиления сообщения.

Дальнейшее развитие данная тенденция получает в работе А. Б. Недзельской и О. О. Борискиной (2021), где англоязычное медиапространство рассматривается через разграничение макстратегий дискредитации и легитимации. При этом легитимация трактуется как способ оправдания политического решения и обеспечения его общественного признания (Недзельская, Борискина, 2021, с. 78). Именно это различие позволяет перейти от перечисления частных приемов к иерархическому описанию манипулятивного механизма.

В зарубежной научной традиции манипуляция рассматривается как форма дискурсивного контроля. Т. ван Дейк (Dijk, 2006) описывает ее через механизмы положительной самопрезентации (positive self-presentation) и отрицательной репрезентации другого (negative other-presentation). Т. ван Левен (Leeuwen, 2007) выделяет следующие стратегии легитимации: авторизацию (authorization), рационализацию (rationalization), моральную оценку (moral evaluation) и мифопоэтическое обоснование (mythopoesis). А. Рейес (Reyes, 2011) дополняет данный подход, рассматривая легитимацию через призму аргументации и оправдания политических действий. Более того, стоит отметить, что свойства социальных медиа влияют на восприятие конфликта и формирование поляризации, а значит, и на силу манипулятивного воздействия (Hansson, Page, 2022; Mak, Li, Rojas, 2024). Иными словами, политическая коммуникация сегодня формируется не только языком, но и средой его распространения. Это особенно важно для англоязычного медиадискурса, где краткость, скорость циркуляции и визуальная насыщенность сообщения усиливают прагматический эффект высказывания.

В совокупности эти подходы позволяют описывать не только механизмы дискредитации политического оппонента, но и способы конструирования институционально оправданной политической позиции.

Современные исследования медиакommunikации показывают, что политический дискурс активно развивается в условиях цифровой среды, что усиливает его воздействующий потенциал. Работы М. К. Ф. Мак и соавторов (Mak, Li, Rojas, 2024), Х. Биланджич и соавторов (Bilandzic, Kalch, Kinnebrock et al., 2024), А. Юнгхерра и А. Раухфляйша (Jungherr, Rauchfleisch, 2024), а также С. Треюлье и соавторов (Treuillier, Castagnos, Lagier et al., 2024) демонстрируют, что эмоциональность, поляризация и динамичность онлайн-дискурса существенно трансформируют

традиционные механизмы речевого воздействия. В этих условиях особую роль приобретает театрализация.

В рамках настоящего исследования театрализация рассматривается нами как способ организации медиа-сообщения, при котором политическая реальность преподносится как драматизированное событие. Она предполагает усиление эмоциональной выразительности, использование контрастов, гипербол, повторов и риторических конструкций. Важно подчеркнуть, что она не является самостоятельной макростратегией, а выступает как сопутствующий механизм, способный усиливать как дискредитацию, так и легитимацию.

Театрализация отличается от обычной экспрессивности тем, что не просто повышает эмоциональный тон сообщения, а переводит политическое событие в режим сценической подачи. В таком режиме текст как бы разворачивает перед читателем конфликт, где важна не только информация, но и эффект драматического участия. По этой причине театрализация тесно связана с медиальной краткостью, визуальной интенсификацией, редуцированностью заголовков и сенсационностью.

Проведенное сопоставление отечественных и зарубежных подходов позволило сформулировать авторское понимание структуры манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе и выделить две ключевых макростратегии – дискредитацию (она же делегитимация), легитимацию, – а также театрализацию как сопутствующий прагматический механизм интенсификации медиавоздействия, которые образуют основу манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе. Дискредитация направлена на подрыв доверия к оппоненту и к его аргументам. Легитимация служит оправданию собственной позиции, действий или решений. Театрализация, в свою очередь, не тождественна ни дискредитации, ни легитимации – она усиливает эмоциональную интенсивность сообщения, повышает заметность высказывания и способствует вовлечению аудитории. Именно поэтому корректнее определять ее не как самостоятельную макростратегию в строгом иерархическом смысле, а как сопутствующий прагматический механизм, обеспечивающий экспрессивное усиление медиасообщения.

Таким образом, предлагаемый подход снимает необходимость вводить термин «делегитимация» как отдельную категорию: все случаи подрыва авторитета, снижения доверия и смыслового обесценивания объекта объединяются понятием «дискредитация». Это решение делает модель более последовательной и терминологически экономной.

Дополнительную значимость исследованию придает обращение к репрезентации БРИКС в англоязычном медиадискурсе. В современных работах описывается, что БРИКС функционирует не только как политико-экономическое объединение, но и как дискурсивный объект, вокруг которого формируются конкурирующие интерпретации (Treuillier, Castagnos, Lagier et al., 2024; Carvalho, Gruzd, Wu, 2025; Santos, Cazzamatta, 2025). Исследование О. А. Солоповой и Н. Н. Кошкарновой (2025) демонстрирует метафорическую репрезентацию БРИКС в медиадискурсе. Г. де Карвальо, С. Грузд и Ю.-Ш. У (Carvalho, Gruzd, Wu, 2025) подчеркивают, что расширенный состав БРИКС одновременно является продуктом глобальной трансформации, а сама организация участвует в формировании нового мирового порядка. А. Сантос и Р. Коззаматта (Santos, Cazzamatta, 2025) показывают, что новости внутри БРИКС распространяются неравномерно, а медиапотоки и авторство формируют асимметричную картину блока. Эти наблюдения важны для данной статьи, поскольку они позволяют рассматривать БРИКС как значимый медиадискурсивный объект, на репрезентации образа которого отчетливо реализуются макростратегии дискредитации, легитимации и театрализации.

Принципиально важно подчеркнуть, что в предлагаемой классификации не проводится категоричное сопоставление типа «одна стратегия – фиксированный набор тактик». Практика политического медиадискурса демонстрирует, что одни и те же тактики могут реализовывать различные стратегии, а стратегии – комбинироваться в рамках одной макростратегии. Предлагаемая классификационная модель и репрезентативный перечень типичных тактик представлены в Таблице 1. При этом связь между стратегией, тактикой и языковым маркером/актуализатором рассматривается как контекстуально обусловленная и вариативная.

Таблица 1. Интегративная классификация манипулятивных стратегий и тактик в политическом медиадискурсе

Уровень и стратегический смысл	Основные стратегии	Типичные тактики	Языковые маркеры/ актуализаторы	Теоретическая база
Макростратегия дискредитации. Подрыв доверия к объекту, снижение его статуса, проблематизация образа	стратегия «на понижение»; конструирование образа врага; идеологическая поляризация (ideological polarization); вуалирование; негативная моральная оценка (negative moral evaluation)	обвинение; наклеивание ярлыка (labeling); оскорбление; провокация; угроза; селективное цитирование; введение в заблуждение	негативно-оценочная лексика; языковая реализация оппозиции «мы – они»; риторические вопросы; эпистемическая модальность; метафоры	Шейгал (2004); Филинский (2002); Михалева (2009); Dijk (2006)
Макростратегия легитимации. Оправдание действий, формирование позитивной репрезентации субъекта	стратегия «на повышение»; презентация; самопрезентация; авторизация (authorization); рационализация (rationalization); положительная моральная оценка (positive moral evaluation)	самооправдание; апелляция к авторитету; солидаризация; отвод критики	позитивно-оценочная лексика; инклюзивные местоимения; деонтическая модальность; цитирование статистики и авторитетных источников/экспертов	Иссерс (2008); Михалева (2009); Leeuwen (2007); Reyes (2011); Hansson, Page (2022)

Уровень и стратегический смысл	Основные стратегии	Типичные тактики	Языковые маркеры/ актуализаторы	Теоретическая база
Театрализация. Усиление эмоционального воздействия, драматизация, вовлечение аудитории	стратегия театральности; эмоционализация (emotionalization); сенсационализация (sensationalization); перформативность (performativity)	гиперболизация; побуждение; драматизация; меметизация (memetic representation)	экспрессивная лексика; восклицания; повтор; краткие синтаксические конструкции; метафоры; визуальные усилители (графические средства, иконические знаки)	Михалева (2009); Mak, Li, Rojas (2024)

Таким образом, на основе проведенного анализа отечественных и зарубежных исследований можно заключить, что в современной лингвистике не сложилось единого подхода к определению и иерархическому соотношению макростратегий, стратегий, тактик и языковых маркеров/актуализаторов манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе. Несмотря на общность представлений о ключевой роли указанных компонентов в организации манипулятивного воздействия, существующие классификации по-разному интерпретируют их состав, функции и характер взаимосвязи, включая статус театрализации. Это обуславливает необходимость разработки интегративной классификационной модели, позволяющей системно описать механизмы манипулятивного воздействия и отразить взаимосвязь его структурных компонентов. Предлагаемая модель служит теоретико-методологической основой последующего анализа корпуса публикаций *Fox News*, посвященных репрезентации БРИКС, и обеспечивает последовательное описание реализации исследуемых компонентов в англоязычном политическом медиадискурсе.

Эмпирический анализ репрезентации БРИКС в медиадискурсе *Fox News*

Материалом практического исследования послужили 30 публикаций американского издания *Fox News*, посвященных деятельности БРИКС, опубликованных в период 2020–2026 гг. Проведенный анализ показал, что репрезентация БРИКС в исследуемом медиадискурсе строится преимущественно вокруг двух доминирующих макростратегий – дискредитации и легитимации. При этом театрализация выступает не как самостоятельная макростратегия, а как дополнительный механизм эмоционально-драматического усиления медиасообщения.

Количественный анализ корпуса показал, что макростратегия дискредитации является доминирующей (она была выявлена в 21 публикации из 30), тогда как макростратегия легитимации – в 9 публикациях. В ряде материалов обе макростратегии реализуются одновременно, что свидетельствует о комплексном характере манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе. Наиболее частотной стратегией в рамках макростратегии дискредитации является идеологическая поляризация (31 случай), которая актуализируется через противопоставление БРИКС западному политическому и ценностному пространству. Для этого используются номинации, маркирующие участников международного взаимодействия как противостоящие стороны, например: *America's strategic rivals* (стратегические соперники США), *China-and Russia-led bloc* (блок, возглавляемый Китаем и Россией). Стратегия конструирования образа врага (24 случая) направлена на представление БРИКС как источника угрозы существующему международному порядку и интересам западных государств. Данная стратегия выражается, в частности, с помощью глагольных словосочетаний *challenge the West* (бросать вызов Западу) и *undermine U.S. influence* (ослабить влияние США), интерпретирующих деятельность объединения как направленную на ослабление позиций Запада. Стратегия «на понижение» (18 случаев) ориентирована на снижение политической и институциональной значимости БРИКС через акцентирование внутренних противоречий и предполагаемой утраты влияния. Такую функцию выполняют, например, такие языковые актуализаторы, как *fractious alliance* (разобщенное объединение) и *losing influence* (теряющий влияние).

Среди тактик наиболее активно используются обвинение (27 случаев), создание угрозы (21 случай), наклеивание ярлыка (19 случаев) и введение в заблуждение (13 случаев). Тактика обвинения реализуется через приписывания БРИКС действий, направленных на подрыв существующего международного порядка, что находит отражение в глагольных словосочетаниях *upend the U.S. dollar* (подорвать доминирование доллара США) и *undermine Western influence* (ослабить западное влияние). Тактика создания угрозы формирует представление о потенциальной опасности деятельности объединения через такие единицы, как *aggressive expansion* (агрессивная экспансия), *window of maximum danger* (период наибольшей опасности). Тактика наклеивания ярлыка основана на использовании устойчивых оценочных номинаций, формирующих негативный образ БРИКС, например: *China-dominated bloc* (блок, в котором доминирует Китай), *authoritarian regimes* (авторитарные режимы). Введение в заблуждение достигается за счет использования неопределенных источников информации и средств снижения категоричности высказывания, например: *analysts say* (по мнению аналитиков), *could happen gradually* (может происходить постепенно). На уровне языковых маркеров наиболее частотными являются негативно-оценочная лексика (46 случаев: *aggressive* (агрессивный), *fractious* (разобщенный), *undermine* (ослаблять)), языковая реализация оппозиции «мы – они» (33 случая: *the West...BRICS* (Запад... БРИКС), *Western-led institutions* (институты, возглавляемые Западом)), эпистемическая модальность (29 случаев: *could* (может), *may* (может), *suggested* (предположил)) и метафоры (17 случаев: *new world order* (новый мировой порядок), *economic warfare* (экономическая война)).

Рассмотрим наиболее иллюстративные примеры реализации макростратегии дискредитации.

Статья, посвященная отсутствию Си Цзиньпина на саммите БРИКС, интерпретирует данный дипломатический эпизод как возможный признак внутренней нестабильности Китая и ослабления его позиций внутри объединения:

(1) “*The first-ever absence by Xi from the key emerging economies gathering raises questions about China’s dominance in the fractious alliance*” (Xi Jinping’s surprise..., 2025). / «Первое в истории отсутствие Си Цзиньпина на встрече лидеров крупнейших стран с развивающейся экономикой вызывает сомнения в ведущей роли Китая в этом внутренне разобщенном объединении (здесь и далее перевод наш. – Д. К.)».

В данном фрагменте макростратегия дискредитации реализуется через стратегию «на понижение», направленной на постановку под сомнение лидерской роли Китая в БРИКС. В рамках данной стратегии актуализируется тактика введения в заблуждение, позволяющая представить соответствующую оценку не как объективно установленный факт, а как вероятностное предположение. Реализация данной тактики обеспечивается несколькими взаимосвязанными актуализаторами. Эпитет *first-ever (absence)* акцентирует беспрецедентный характер отсутствия Си Цзиньпина на саммите, тем самым усиливая политическую значимость данного события. Лексема *dominance* вербализует ведущую позицию Китая в объединении, тогда как предикативная конструкция *raises questions about China’s dominance*, выражающая эпистемическую модальность, переводит ее в плоскость сомнения, не представляя соответствующую оценку как установленный факт. Негативно-оценочная лексика *fractious (alliance)*, согласно *Cambridge Dictionary*, определяется как *often arguing or fighting and difficult to control* («часто конфликтующий, склонный к разногласиям и трудноуправляемый»). В рассматриваемом контексте данная лексема актуализирует сему внутреннего конфликта и отсутствия единства, репрезентируя БРИКС как внутренне нестабильное объединение. Таким образом, совокупность указанных языковых актуализаторов обеспечивает имплицитную проблематизацию лидерской роли Китая в БРИКС и одновременно способствует формированию его негативного образа.

В публикации, посвященной расширению БРИКС, объединение описывается как инструмент усиления антизападного влияния и ослабления глобальных позиций США:

(2) “*The move by the China-dominated BRICS bloc to welcome Iran and Saudi Arabia is seen by some analysts as an effort to undermine U.S. influence in the Middle East*” (China-dominated bloc..., 2023). / «Решение БРИКС, где ведущую роль играет Китай, принять в объединение Иран и Саудовскую Аравию рассматривается рядом аналитиков как попытка ослабить влияние США на Ближнем Востоке».

В этом примере макростратегия дискредитации реализуется через сочетания стратегии конструирования образа врага и стратегии идеологической поляризации. В рамках данных стратегий актуализируются тактика обвинения и тактика наклеивания ярлыка, ориентированные на создание образа БРИКС как объединения, действия которого направлены против интересов США. Указанные тактики реализуются несколькими взаимосвязанными языковыми актуализаторами. Атрибутивное словосочетание *China-dominated BRICS bloc*, включающее слово-компонент *China-dominated*, репрезентирует БРИКС как объединение, находящееся под доминирующим влиянием Китая. В данном контексте определение *China-dominated* выполняет функцию ярлыка, поскольку задает упрощенную и однозначную характеристику объединения, не предполагающую иных вариантов его интерпретации. Предикат *undermine*, согласно *Cambridge Dictionary*, определяется как *to make someone or something less powerful, less effective, or less likely to succeed* («ослаблять, подрывать чьи-либо позиции или эффективность») и актуализирует сему целенаправленного нанесения ущерба. В сочетании со словосочетанием *U.S. influence* данный предикат позиционирует действия БРИКС как направленные против интересов США, вследствие чего актуализируется оппозиция «США – БРИКС». Ссылка на мнение экспертов, выраженная пассивным залогом *is seen by some analysts*, представляет соответствующую оценку как мнение внешнего источника, а не как прямое авторское утверждение, что снижает степень категоричности высказывания и способствует имплицитной реализации тактики обвинения. Таким образом, совокупность рассмотренных языковых актуализаторов в рамках тактик обвинения и наклеивания ярлыка обеспечивает конструирование образа БРИКС как геополитического оппонента США, что соответствует реализации макростратегии дискредитации.

Материал о создании новой валюты БРИКС репрезентирует объединение как силу, стремящуюся изменить существующую финансовую архитектуру мира:

(3) “*Members of the China- and Russia-led BRICS economic bloc remain at odds about how to proceed with aggressive expansion and the establishment of a new currency*” (China/Russia-led bloc takes..., 2023). / «Участники экономического блока БРИКС, возглавляемого Китаем и Россией, по-прежнему не могут прийти к единому мнению относительно дальнейшего расширения объединения и создания новой валюты».

В рассматриваемом фрагменте макростратегия дискредитации реализуется через стратегию «на понижение», которая акцентирует внимание на внутренних разногласиях в объединении и снижает представления о его политической сплоченности. Фразеологизированный предикат *remain at odds* указывает на сохраняющиеся разногласия между участниками объединения и конструирует образ БРИКС как внутренне неоднородную политическую коалицию. В рамках указанной стратегии используется тактика создания образа угрозы, придающая дальнейшему развитию объединения потенциально опасный характер. Данная тактика актуализируется следующими языковыми средствами. Негативно-оценочная лексика *aggressive (expansion)* описывает расширение объединения как наступательный и потенциально опасный процесс, формируя образ угрозы. Атрибутивное словосочетание *China- and Russia-led BRICS economic bloc*, включающее слово-компонент *China- and Russia-led*, акцентирует ведущую роль Китая и России, конкретизируя субъект, которому приписывается рассматриваемая деятельность. Таким образом, совокупность описанных языковых актуализаторов

обеспечивает реализацию стратегии «на понижение», подчеркивая внутренние разногласия в БРИКС и одновременно актуализируя тактику создания образа угрозы.

Наиболее яркое сочетание дискредитации и театрализации фиксируется в публикациях, посвященных попыткам БРИКС изменить мировой финансовый порядок. В одной из статей БРИКС репрезентируется не просто как экономическое объединение, а как геополитическая сила, претендующая на демонтаж существующей доллароцентричной системы. Особое значение приобретает апелляция к авторитетному лицу – официальному представителю Южной Африки при БРИКС Анил Суклал, чьи слова используются как подтверждение реальности происходящих изменений:

(4) “The BRICS bloc of countries led by China and Russia want to upend the U.S. dollar. ... South Africa’s ambassador to BRICS, Anil Sooklal, said: ‘The days of a dollar-centric world is over. That’s a reality. We have a multipolar global trading system today’” (China, Russia-led bloc wants..., 2023). / «Блок стран БРИКС, возглавляемый Китаем и Россией, стремится подорвать доминирующее положение доллара США. ... Посол Южной Африки при БРИКС Анил Суклал заявил: “Эпоха мира, ориентированного на доллар, осталась в прошлом. Это уже свершившийся факт. Сегодня мировая торговая система развивается в условиях многополярности”».

В данном случае макростратегия дискредитации реализуется через стратегию конструирования образа врага. В ее рамках сочетаются тактика обвинения и тактика апелляции к авторитету, благодаря чему действия БРИКС представляются как направленные на пересмотр сложившейся мировой финансовой системы, а соответствующая оценка приобретает большую убедительность за счет обращения к официальному источнику. Тактика обвинения актуализируется негативно-оценочной лексикой, представленной предикатом *upend (the U.S. dollar)*, который репрезентирует деятельность БРИКС как направленную на подрыв доминирующего положения доллара США. Метафора *dollar-centric world* репрезентирует существующий мировой экономический порядок как систему, основанную на доминировании доллара, тогда как атрибутивное словосочетание с метафорическим значением *multipolar global trading system* вербализует альтернативную модель мирового устройства. Тактика апелляции к авторитету актуализируется прямым цитированием официального представителя Южной Африки при БРИКС (*South Africa’s ambassador to BRICS, Anil Sooklal, said*), за счет чего оценка происходящих изменений представляется как позиция официального лица, а не как субъективное мнение журналиста. Наряду с этим в тексте функционирует сопутствующий механизм театрализации. Категоричные высказывания *The days of a dollar-centric world is over* и *That’s a reality*, а также антитеза *is over – today* придают сообщению характер исторического перелома, представляя трансформацию мирового финансового порядка как свершившийся и необратимый процесс. Совокупность рассмотренных языковых актуализаторов обеспечивает реализацию тактики обвинения и тактики апелляции к авторитету, посредством которых БРИКС репрезентируется как субъект, стремящийся к изменению существующего мирового финансового порядка. Сопутствующий механизм театрализации усиливает прагматический потенциал данного образа за счет категоричности высказываний и драматизации описываемых событий.

Таким образом, макростратегия дискредитации в исследованном медиадискурсе реализуется преимущественно через негативную интерпретацию деятельности БРИКС, формирование образа угрозы и выстраивание идеологической оппозиции «Запад – антизападный блок». Наиболее продуктивными языковыми средствами выступают негативно-оценочная лексика, эпистемическая модальность, метафоры и языковая реализация бинарной оппозиции «мы – они».

Макростратегия легитимации в исследованном корпусе направлена на формирование позитивной и институционально значимой репрезентации БРИКС. Наиболее частотной является стратегия рационализации (18 случаев), представляющая деятельность объединения как объективно обусловленную и необходимую для трансформации современной системы международных отношений. Это достигается использованием таких единиц, как *rebalancing global power (перераспределение глобального влияния)*, *stabilizing factors (стабилизирующие факторы)*, *serious alternative to the G7 (серьезная альтернатива G7)*, подчеркивающих конструктивную роль БРИКС. Стратегия презентации (15 случаев) ориентирована на формирование позитивного образа объединения через акцентирование его целей и ценностных ориентиров, что реализуется в следующих словосочетаниях *multipolar world order (многополярная модель мироустройства)*, *global cooperation (международное сотрудничество)*, *collective development (совместное развитие)*. Стратегия авторизации (11 случаев) актуализируется отсылкой к международным нормам и официальным институтам, обеспечивающим легитимность представляемой позиции. Данную функцию выполняют номинации *international norms (международно-правовые нормы)* и *diplomatic immunity (дипломатические гарантии неприкосновенности)*.

На уровне тактик наиболее активно используются апелляция к авторитету (19 случаев), самооправдание (6 случаев), апелляция к фундаментальным ценностям (8 случаев) и тактика солидаризации (9 случаев). Тактика апелляции к авторитету реализуется через ссылки на заявления политических лидеров и официальных представителей государств, что повышает достоверность и институциональную значимость транслируемой информации, например: “*Putin told Chinese President Xi Jinping...*” («Путин сообщил председателю КНР Си Цзиньпину...»), “*Russian Foreign Minister Sergey Lavrov said...*” («Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил...»). Тактика самооправдания направлена на объяснение или обоснование спорных политических решений, например: “*South Africa...may grant Russian President Vladimir Putin diplomatic immunity*” («Власти Южной Африки... допустили возможность предоставления президенту России Владимиру Путину гарантии дипломатической неприкосновенности»). Апелляция к фундаментальным ценностям реализуется через обращение к идеям равноправия и справедливого мироустройства, например: “*greater voice for developing nations*”

(«расширение роли развивающихся стран в мировой политике»), “free from Western hegemony” («независимый от западной гегемонии»). Тактика солидаризации формирует представление о согласованности действий государств – участников объединения, акцентируя внимание на сотрудничестве и совместной деятельности, например: “India and China have begun implementing an agreement” («Индия и Китай начали реализацию соглашения»), “Russia-China cooperation in international affairs” («российско-китайское сотрудничество в международной политике»). Среди языковых маркеров преобладают позитивно-оценочная лексика (13 случаев: “serious alternative” («серьезная альтернатива»), “indispensable” («незаменимый»), “stabilizing” («стабилизирующий»)), деонтическая модальность (15 случаев: “the alliance should be used to tailor international institutions” («объединение должно использоваться для реформирования международных институтов»), “the global financial system must become more representative of developing nations” («в глобальной финансовой системе должны в большей степени учитываться интересы развивающихся стран»)) и инклюзивные местоимения (14 случаев: “we have” («у нас есть»), “our countries” («наши страны»), “we need” («нам необходимо»)).

Статья о перераспределении мирового влияния представляет БРИКС как альтернативный центр силы, способный обеспечить более справедливый международный баланс:

(5) “BRICS has recently positioned itself as a serious alternative to the G7’s influence” (Russia, China seek world..., 2023). / «В последнее время БРИКС все более активно позиционирует себя как серьезную альтернативу влиянию стран-членов G7».

В данном примере макростратегия легитимации реализуется через стратегию рационализации, в рамках которой используется тактика презентации БРИКС как значимого участника международных отношений. Ее языковая реализация обеспечивается несколькими актуализаторами: перфектный аспект *has positioned itself as* в сочетании с темпоральным маркером *recently*, а также словосочетание *serious alternative*. Предикативная конструкция *positioned itself as* репрезентирует БРИКС как субъект, занимающий определенную позицию в системе международных отношений, тем самым подчеркивая его самостоятельность и институциональную субъектность, а темпоральный маркер *recently* указывает на актуальность данного процесса. В словосочетании *serious alternative* связывается позитивно-оценочное прилагательное *serious* с существительным *alternative*, вследствие чего БРИКС репрезентируется не как второстепенный участник международных отношений, а как реальная альтернатива влиянию G7. Словосочетание *the G7’s influence* обозначает существующий центр международного влияния, относительно которого определится положение БРИКС. Благодаря этому объединение репрезентируется как сопоставимый по своему политическому потенциалу международный актор. В результате взаимодействие указанных языковых актуализаторов формирует образ БРИКС как институционально значимого участника международных отношений, что соответствует реализации макростратегии легитимации.

В следующем материале участие Владимира Путина в предстоящем саммите БРИКС интерпретируется в контексте международно-правовых и дипломатических норм:

(6) “South Africa this week suggested it may grant Russian President Vladimir Putin *diplomatic immunity* to attend an August summit for the *BRICS economic bloc* despite an outstanding warrant for his arrest” (South Africa looks..., 2023). / «На этой неделе власти Южной Африки допустили возможность предоставления президенту России Владимиру Путину гарантии дипломатической неприкосновенности для участия в августовском саммите экономического блока БРИКС, несмотря на действующий ордер на арест».

В рассматриваемом текстовом фрагменте макростратегия легитимации реализуется через стратегию авторизации, в рамках которой используется тактика самооправдания. Языковая реализация указанной тактики обеспечивается сочетанием институционально-правовой терминологии, эпистемической модальности и предложно-именной конструкцией с уступительным значением. Словосочетание *diplomatic immunity* относится к правовой терминологии и переводит описание в плоскость международно-правового регулирования, описывая возможное участие Владимира Путина в саммите. Именное словосочетание *BRICS economic bloc* номинирует БРИКС как международное экономическое объединение, которое является институциональным участником международных отношений. Эпистемическая модальность, выраженная модальным глаголом *may*, указывает на вероятностный характер рассматриваемого решения, не представляя его как установленный факт. Предложно-именная конструкция с уступительным значением *despite an outstanding warrant for his arrest* вводит обстоятельство, потенциально препятствующее участию в саммите, однако последующее указание на возможность предоставления дипломатической неприкосновенности формирует представление о наличии правовых механизмов разрешения данной ситуации. Тем самым взаимодействие указанных языковых актуализаторов обеспечивает реализацию тактики самооправдания и стратегии авторизации и способствует легитимации вероятного участия Владимира Путина в мероприятиях БРИКС.

Материал о китайско-индийском взаимодействии подчеркивает способность стран БРИКС к дипломатическому сотрудничеству и деэскалации международных конфликтов:

(7) “India and China have begun implementing an agreement to end a military standoff on their disputed Himalayan border” (India, China begin..., 2024). / «Индия и Китай начали реализацию соглашения о прекращении военного противостояния на их спорной гималайской границе».

В этом текстовом фрагменте элементы макростратегии легитимации реализуются через стратегию солидаризации и тактику кооперации. Видовой предикат *have begun implementing* актуализирует семантику начала совместной и целенаправленной деятельности. Инфинитивная фраза *to end a military standoff* репрезентирует прекращение военного противостояния как политически значимый и социально одобряемый случай международного взаимодействия. Таким образом, в тексте формируется представление о БРИКС как о пространстве для дипломатического сотрудничества, направленного на мирное урегулирование противоречий внутри альянса.

Контекст следующей статьи связан с обсуждением усиления роли БРИКС в мировой политике и попытками объединения представить себя в качестве альтернативного центра глобального влияния. В материале акцентируется внимание на риторике официальных представителей стран БРИКС, которые обосновывают необходимость реформирования существующей международной системы:

(8) "Indian Minister of External Affairs Subrahmanyam Jaishankar said following the meeting of the BRICS countries that the five nations *needed to 'send out a strong message that the world is multipolar, that it is rebalancing and that old ways cannot address new situations'*" (Putin welcomes..., 2024). / «По итогам встречи стран БРИКС министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар заявил, что пять государств должны "четко продемонстрировать, что современная система международных отношений больше не является однополярной, что в мире происходит перераспределение сил и что прежние политические механизмы уже не способны эффективно отвечать на новые вызовы"».

Макростратегия легитимации реализуется через стратегии рационализации и презентации. Основные тактики, которые использует автор статьи, – апелляция к авторитету и апелляция к фундаментальным ценностям.

Апелляция к авторитету реализуется через прямое цитирования министра иностранных дел Индии Субраманьяма Джайшанкара (*'send out a strong message that the world is multipolar, that it is rebalancing and that old ways cannot address new situations'*), чья позиция репрезентируется как официальная дипломатическая оценка происходящих глобальных изменений. Языковыми маркерами выступают позитивно-оценочная лексика *multipolar, rebalancing*, а также деонтическая модальность, выраженная модальным глаголом *needed to (send out a strong message, cannot address)*, который формирует представление о необходимости и политической обязательности коллективного действия. Одновременно в тексте реализуется механизм театрализации – международные изменения описываются как масштабное историческое переустройство мирового порядка, а БРИКС репрезентируется как один из ключевых участников данного процесса. Метафора *the world is rebalancing* в сочетании с антитезой (*old ways – new situations*) создает образ глобального перераспределения сил, усиливая эффект исторической значимости происходящих изменений. В результате БРИКС конструируется как легитимный и необходимый международный актор, способный участвовать в формировании новой мировой финансовой архитектуры.

Таким образом, макростратегия легитимации в исследованном медиадискурсе направлена на рационализацию деятельности БРИКС, институциональное оправдание его международной роли и формирование образа объединения как значимого центра глобального сотрудничества. В отличие от дискредитации, здесь преобладают позитивно-оценочная лексика, деонтическая модальность и апелляция к авторитету политических лидеров и международных институтов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, сопоставление отечественных и зарубежных подходов к исследованию манипулятивного воздействия в политическом медиадискурсе позволило установить различия в его теоретическом описании. Отечественные исследования преимущественно ориентированы на классификацию стратегий и тактик речевого воздействия, тогда как зарубежные работы сосредоточены главным образом на анализе отдельных механизмов манипулятивного воздействия, таких как дискредитация, легитимация и поляризация. Проведенный анализ показал, что отечественные и зарубежные подходы акцентируют внимание на различных аспектах манипулятивного воздействия и не предлагают единой модели, раскрывающей иерархическую и функциональную взаимосвязь его структурных компонентов.

Во-вторых, определено соотношение понятий «макростратегия», «стратегия», «тактика» и «языковой маркер/актуализатор». В ходе исследования установлено, что макростратегия определяет общую прагматическую направленность манипулятивного воздействия; стратегия конкретизирует способ достижения данной цели; тактика представляет собой систему речевых приемов, реализующих стратегию; языковые актуализаторы выступают средствами языкового выражения соответствующих тактик. Предложенное разграничение позволяет преодолеть терминологическую неоднозначность, существующую в отечественных и зарубежных исследованиях, и обеспечивает единый принцип описания механизмов манипулятивного воздействия.

В-третьих, были выявлены функциональные особенности реализации основных макростратегий манипулятивного воздействия в англоязычном политическом медиадискурсе. Установлено, что дискредитация ориентирована преимущественно на формирование негативной интерпретации политического актора и его деятельности, тогда как легитимация направлена на институциональное и ценностное обоснование политических решений и международного сотрудничества. При этом театрализация рассматривается не как самостоятельная макростратегия, а как сопутствующий механизм прагматического усиления медиасообщения, сопровождающий реализацию как дискредитации, так и легитимации.

В-четвертых, предложена интегративная классификационная модель, основанная на последовательном соотношении макростратегий, стратегий, тактик и языковых актуализаторов. В отличие от существующих классификаций, она учитывает не только иерархические связи между указанными компонентами, но и их функциональную взаимосвязь, что позволяет осуществлять анализ манипулятивного воздействия как целостной системы. Модель соотносит общую прагматическую направленность медиасообщения со способами ее стратегической и тактической организации и конкретными средствами языкового выражения.

В-пятых, апробация предложенной классификационной модели на материале корпуса публикаций *Fox News*, посвященных репрезентации БРИКС, подтвердила ее эвристический потенциал. Применение модели позволило установить, что в исследуемом медиадискурсе доминирует макростратегия дискредитации, тогда как макростратегия легитимации реализуется значительно реже и преимущественно в контекстах дипломатического взаимодействия, международного сотрудничества и многополярной модели мироустройства. Проведенный анализ показал, что каждой макростратегии соответствует характерный комплекс стратегий, тактик и языковых актуализаторов, реализующих единую прагматическую установку медиасообщения. Полученные результаты свидетельствуют о возможности применения предложенной модели для последовательного описания механизмов манипулятивного воздействия в англоязычном политическом медиадискурсе и ее дальнейшей апробации на материале других политических корпусов.

Таким образом, результаты исследования позволяют рассматривать манипулятивное воздействие в политическом медиадискурсе как многоуровневую систему взаимосвязанных макростратегий, стратегий, тактик и языковых актуализаторов.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углублением анализа механизмов манипулятивного воздействия в англоязычном политическом медиадискурсе и расширением эмпирической базы исследования. Особый интерес представляет сопоставительное изучение репрезентации БРИКС в медиадискурсе различных стран и типов СМИ в разные годы существования организации, что позволит выявить специфику реализации манипулятивных стратегий в зависимости от идеологической направленности медиаплатформ и геополитического климата. Кроме того, дальнейшая разработка предложенной классификационной модели может способствовать более детальному изучению взаимодействия макростратегий, стратегий, тактик и языковых актуализаторов в современной политической коммуникации.

Материалы исследования | Research materials

1. China, Russia-led bloc wants to dethrone US dollar, upend world order. 2023. August 21. <https://www.foxnews.com/opinion/china-russia-led-bloc-wants-de-throne-us-dollar-upend-world-order>
2. China/Russia-led bloc takes on dollar, Western influence as Putin dodges summit over arrest fears. 2023. August 22. <https://www.foxnews.com/world/china-russia-led-bloc-takes-on-dollar-western-influence-putin-dodges-summit-arrest-fears>
3. China-dominated bloc offers Iran, Saudi Arabia membership in move that seeks to undermine US. 2023. August 24. <https://www.foxnews.com/world/china-dominated-bloc-offers-iran-saudi-arabia-membership-move-that-seeks-undermine-us>
4. India, China begin implementing new border pact, ending Himalayan face-off. 2024. October 25. <https://www.foxnews.com/world/india-china-begin-implementing-new-border-pact-ending-himalayan-face-off>
5. Putin welcomes Iran, India, China to BRICS Summit to discuss 'new world order' to challenge the West. 2024. October 23. <https://www.foxnews.com/politics/putin-welcomes-iran-india-china-brics-summit-discuss-new-world-order-challenge-west>
6. Russia, China seek world power 'rebalancing' with G7-alternative: 'indispensable mechanism'. 2023. June 3. <https://www.foxnews.com/world/russia-china-seek-world-power-rebalancing-g7-alternative-indispensable-mechanism>
7. South Africa looks to grant Putin diplomatic immunity for BRICS summit despite outstanding ICC arrest warrant. 2023. May 31. <https://www.foxnews.com/world/south-africa-looks-grant-putin-diplomatic-immunity-brics-summit-despite-outstanding-icc-arrest-warrant>
8. Xi Jinping's surprise no-show at BRICS Summit fuels speculation about China's global standing. 2025. July 5. <https://www.foxnews.com/world/china-india-rivalry-looms-over-brics-summit>

Источники | References

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Изд-е 5-е. М.: Лучшие компьютерные игры, 2008.
2. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 1998.
3. Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия: монография. М.: Либроком, 2009.
4. Недзельская А. Б., Борискина О. О. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиапространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2.
5. Солопова О. А., Кошкарлова Н. Н. Метафорический образ БРИКС в медиадискурсе ЮАР: корпусное исследование // Russian Journal of Linguistics. 2025. Т. 29. № 4. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-45863>
6. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: дисс. ... к. филол. н. М., 2002.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2004.
8. Bilandzic H., Kalch A., Kinnebrock S., Buchner B., Kollar I., Schuller B. Discursive resilience // Datenschutz und Datensicherheit – DuD. 2024. Vol. 48. <https://doi.org/10.1007/s11623-024-1927-9>

9. Carvalho G. de, Gruzd S., Wu Y.-Sh. The BRICS expanded: Shaped by – or shaping – the global order? // South African Journal of International Affairs. 2025. Vol. 32. <https://doi.org/10.1080/10220461.2025.2525312>
10. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17. No. 3. <https://doi.org/10.1177/0957926506060250>
11. Hansson S., Page R. Corpus-assisted analysis of legitimation strategies in government social media communication // Discourse & Communication. 2022. Vol. 16. No. 5. <https://doi.org/10.1177/17504813221099202>
12. Jungherr A., Rauchfleisch A. Negative downstream effects of alarmist disinformation discourse: Evidence from the United States // Political Behavior. 2024. Vol. 46. <https://doi.org/10.1007/s11109-024-09911-3>
13. Leeuwen T. van. Legitimation in discourse and communication // Discourse & Communication. 2007. Vol. 1. No. 1. <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>
14. Mak M. K. F., Li M., Rojas H. Social media and perceived political polarization: Role of perceived platform affordances, participation in uncivil political discussion, and perceived others' engagement // Social Media + Society. 2024. Vol. 10. <https://doi.org/10.1177/20563051241228595>
15. Reyes A. Strategies of legitimization in political discourse: From words to actions // Discourse & Society. 2011. Vol. 22. No. 6. <https://doi.org/10.1177/0957926511419927>
16. Santos A., Cazzamatta R. Who shapes mediated conversations among rising global powers? Examining news geography, authorship, and media sources within the BRICS framework // The International Journal of Press/Politics. 2025. Vol. 30. No. 2. <https://doi.org/10.1177/19401612241269835>
17. Treuillier C., Castagnos S., Lagier C., Brun A. Gaining a better understanding of online polarization by approaching it as a dynamic process // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-58915-w>

Информация об авторах | Author information



Катаргулов Дмитрий Николаевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет



Dmitry Nikolaevich Katargulov¹

¹ Saint Petersburg University

¹ qatargullv@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.05.2026; опубликовано online (published online): 28.08.2026.

Ключевые слова (keywords): политический медиадискурс; манипулятивное воздействие; макростратегия дискредитации; макростратегия легитимации; репрезентация БРИКС; political media discourse; manipulative influence; macro-strategy of discrediting; macro-strategy of legitimization; representation of BRICS.